
В. К. ГАРДАНОВ

**ПЕРЕЖИТКИ ДУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У АДЫГОВ
(ЧЕРКЕСОВ) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Пережитки дуальной организации у адыгов¹ до сих пор еще никем специально не изучались. Более того, проблема дуальной организации почти не затрагивалась в обширной кавказоведческой литературе как дореволюционного, так и советского периода. Это на первый взгляд может показаться тем более странным, что пережитки родового строя у народов Кавказа находились постоянно в центре внимания этнографов-кавказоведов, большинство которых склонны были даже чрезмерно архаизировать общественный быт изучавшихся ими народов. Однако, если учесть, что дуальная организация родового общества долгое время не получала должного освещения и правильной оценки в этнографической науке, то станет понятным, почему она оказалась забытой и в кавказоведении, несмотря на то, что М. М. Ковалевский еще в 1890 г. в своей работе «Закон и обычай на Кавказе» сделал попытку подойти к изучению пережитков фратриально-дуальной организации у народов Кавказа.

Используя материалы Л.-Г. Моргана и Л. Файсона, Ковалевский указал, что существовавшие у черкесов в первой половине XIX в. «братства» были во многом сходны с «братствами» американских и австралийских племен. При этом Ковалевский на первый план выдвинул строгую экзогамность адыгских «братств», сравнив эту характерную черту адыгских объединений с запрещением браков у ирокезов не только в пределах рода, но и между членами различных родов, входящих в состав одного и того же «братства». В качестве примера Ковалевский сослался на ирокезское племя сенека, которое, как известно, представляло собой классический образец двухфратриальной организации, выросшей из первоначальной дуально-родовой. Хотя М. М. Ковалевский в данном случае прямо не говорит о дуальной организации, однако он по существу вплотную подошел к этой проблеме, когда переходит к характеристике австралийского материала, привлекаемого им для сравнения с адыгскими «братствами». Отметив, что, согласно данным Файсона, у австралийского племени камиларои имело место подразделение всего лишь на две взаимобрачующиеся группы — «Кроки» и «Кумите», Ковалевский замечает, что это был «наипростейший тип» той самой организации, которая была описана Морганом у ирокезов².

Как мы видим, в истолковании материалов Моргана М. М. Ковалевский шел по пути, указанному Ф. Энгельсом, который в «Происхож-

¹ В данной статье этнические термины *адыги* и *черкесы* употребляются как синонимы.

² Максим Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 12—13.

дении семьи, частной собственности и государства» обратил внимание на то, что описанное Морганом двухфратриальное деление ирокезского племени сенека восходит к первоначальному делению каждого племени на две части, являвшемуся естественным результатом установления родовой экзогамии, «ибо при запрещении браков внутри рода каждое племя по необходимости должно было охватывать по крайней мере два рода, чтобы быть в состоянии самостоятельно существовать»³. К сожалению, М. М. Ковалевский, восприняв выдвинутое Ф. Энгельсом положение о первоначальности дуальной организации родоплеменного общества, не конкретизировал его на кавказском этнографическом материале, а ограничился лишь самой общей постановкой вопроса о пережитках фратриально-дуальной организации у черкесов, притом сделав это в связи с весьма путаной и односторонней характеристикой адыгских «братств»⁴. Но даже такая постановка проблемы дуальной организации на этнографическом материале Кавказа была для своего времени весьма ценной инициативой, свидетельствующей о большой прогрессивности научных взглядов Ковалевского, который, в противоположность многим буржуазным этнографам, сразу же признал универсальность дуальной структуры раннего родового общества и ее историческую обусловленность экзогамией.

После М. М. Ковалевского проблема дуальной организации в течение многих лет оставалась вне поля зрения кавказоведов. Лишь недавно к ней снова привлек внимание исследователей этнографии Кавказа М. О. Косвен, отметивший, что следы дуальной организации «довольно широким образом сохранились на Кавказе... в виде, хотя и пережиточного, но более или менее реального разделения всего народа, либо в виде соответствующей легенды или предания»⁵. Давая краткий обзор соответствующего материала по народам Кавказа, М. О. Косвен ссылается, в частности, и на этногенетические легенды адыгов⁶.

Таким образом, вся кавказоведческая литература по проблеме дуальной организации сводится пока лишь к ее предварительной постановке, что делает актуальной задачу конкретного исследования пережитков этой архаической структуры родового общества в историческом прошлом народов Кавказа.

* * *

Приступая к анализу имеющегося в нашем распоряжении материала о пережитках дуальной организации у адыгов в первой половине XIX в., нужно прежде всего иметь в виду, что все адыгские племена к этому времени находились уже на феодальной стадии развития. Господство феодальных отношений имело место как у так называемых «аристократических», так и у «демократических» адыгских племен⁷. Последнее обстоятельство особенно необходимо подчеркнуть, так как в историко-этнографической литературе долгое время было принято считать, что «демократические» племена адыгов в отличие от «аристо-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 90—91.

⁴ Подробнее об этом см. В. К. Гарданов, Адыгские «братства» в XVIII—первой половине XIX века, «Сов. этнография», 1964, № 2.

⁵ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 26—27.

⁶ Там же, стр. 27—28.

⁷ Как нам не раз уже приходилось отмечать, термин «племя» в отношении существовавших у адыгов в первой половине XIX в. этнических подразделений можно употреблять лишь условно, так как у адыгов в это время в связи с развитием феодальных отношений шел процесс формирования народностей и сохранялись только пережитки древнего племенного деления.

кратических» вплоть до середины XIX в. жили якобы в условиях родового строя. Если учесть, что «демократические» племена, к которым причислялись абадзехи, шапсуги и натухайцы, составляли примерно две трети численности всех адыгов⁸, то такое ошибочное суждение об общественном строе этих племен естественно приводило к выводу о крайне низком общем уровне социального развития адыгов в первой половине XIX в., что не давало возможности правильно оценить роль и значение родовых институтов в адыгском обществе того времени.

Однако, только игнорируя всю предшествующую историю адыгов, можно утверждать, что они в своем большинстве оставались в первой половине XIX в. на дофеодальной стадии развития. Не вдаваясь в глубь веков, укажем, что уже в период монгольского нашествия общественный строй адыгов рисуется в источниках как феодальный⁹. Это подтверждается, в частности, распространением еще до XIII в. среди них христианства, следы которого сохранялись до первой половины XIX в., особенно у «демократических» племен¹⁰. О сложившемся у адыгов феодальном обществе свидетельствуют и археологические материалы XIV—XV вв., в том числе памятники «белореченской культуры», относящиеся как раз к территории расселения абадзехов — одного из наиболее значительных адыгских «демократических» племен первой половины XIX в.¹¹ Наконец, о бесспорном господстве у адыгов феодализма во второй половине XV в. говорит в своем описании Черкесии генуэзец Джорджио Интериано¹². Свидетельство последнего тем более важно, что оно не могло не касаться обитавших в низовьях Кубани и по побережью Черного моря шапсугов и натухайцев, у которых в первой половине XIX в. особенно ярко проявлялись «демократические» порядки. Между тем Интериано, подробно описывающий социальный строй современной ему Черкесии, нигде не отмечает, что у адыгов (которых он также именует зихами или черкесами) существовала какая-либо группа племен, отличавшихся по уровню своего развития от остальной массы адыгов. Не говорят об этом и все другие авторы, описывавшие социальный строй адыгов на протяжении 300 лет после Интериано.

Выделение у адыгов группы «демократических» племен мы встречаем только у авторов первой половины XIX в., что уже само по себе указывает на позднее появление в общественном быту абадзехов, шапсугов и натухайцев тех особенностей, которые послужили основанием для отнесения их к особой группе адыгских племен. И действительно, как мы знаем, главнейшие особенности социального устройства абадзехов, шапсугов и натухайцев в первой половине XIX в. были обусловлены происшедшим у них в конце XVIII в. в результате ожесточенной классовой борьбы политическим переворотом, который привел к ослаблению власти феодальной аристократии и потере ею ряда сословных привилегий. Об этом перевороте определенно говорит, например, Г. В. Новицкий, который был одним из первых авторов, предложивших

⁸ В. К. Гарданов, О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века, «Сов. этнография», 1963, № 4, стр. 88—89.

⁹ «Рассказ римско-католического миссионера Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 г.», «Записки Одесского общества истории и древностей», т. V, Одесса, 1861, стр. 999.

¹⁰ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (далее АКАК), т. X, Тифлис, 1885, стр. 234—235.

¹¹ В. П. Левашова, Белореченские курганы, Труды Государственного исторического музея, вып. XXII, М., 1953.

¹² «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. 2, СПб., 1869, стр. 731—737.

разделение адыгских племен на «аристократические» и «демократические» по форме их политического управления. Указав, что у «аристократических» адыгских племен (кабардинцев, бесленеевцев, бжедугов, хатукайцев и др.) управление находится в руках князей и дворян, Новицкий подчеркивает, что шапсуги, натухайцы и абадзехи «напротив того... в 1795 или 1796 году свергли зависимость дворян, а с того времени установили правление демократическое»¹³. Во главе этой новой формы правления оказались не наследственные феодальные владельцы аулов и княжеств, как это было до переворота 90-х годов XVIII в., а выборные представители всего свободного населения — так называемые «присяжные судьи».

Институт «присяжных судей» издавна существовал у всех адыгских племен, возникнув еще в условиях родового общества, когда эти судьи были подлинными представителями народа и их авторитет основывался на свободном и добровольном уважении членов избравших их общин. Однако с возникновением у адыгов феодализма институт «присяжных судей» подвергся существенным изменениям. Он превратился в обособленный от народа орган власти, служивший интересам феодалов. Судьи теперь избирались из членов господствующего класса и находились под контролем князей. «Из дворян,— писал Хан-Гирей,— избираются в судьи наиболее пользующиеся уважением их сословия. Эти судьи, по избранию обществом князей и дворянства, приводятся к присяге, состоящей в том, чтобы соблюдать в делах всегда истину..., почему эти судьи и называются присяжными судьями»¹⁴. Такой порядок избрания «присяжных судей» продолжал существовать в первой половине XIX в. у «аристократических» племен, а у «демократических» племен после событий конца XVIII в. был восстановлен старый бессловный порядок избрания судей, которые перестали подчиняться власти князей и получили право по собственному разумению решать все дела своих соплеменников, в том числе и те, которые раньше входили в компетенцию княжеской власти.

Г. В. Новицкий следующим образом описывает роль «присяжных судей» в системе управления, установившейся у натухайцев, шапсугов и абадзехов с конца XVIII в. «Уничтожив власть князей, натухайцы, шапсуги и абадзехи подчинили себя суду присяжных (*Тгарко-Хас*). Земли сих народов разделяются на округа; в каждом округе находится общество избранных старейшин, и суд, который они производят, называется *Хас*. Все предприятия и намерения обсуживаются на собрании, решения коего почитаются законом. В совет присяжных судей выбираются старейшины испытанного ума, честности и храбрости. Князь, дворянин и простой одинаково выбирается в сие почетное звание, если кто заслужил оное прошедшею примерною жизнью. Удостоенный сохраняет звание сие на всю жизнь. По смерти же одного из судей достойнейший из среды народа выбирается на его место. Поступающий в должность присяжных судей обязуется клятвою судить по совести, без малейшего пристрастия и как бог внушит ему. От суда присяжных зависит решение о выгодах и невыгодах народа..., о мерах безопасности против внутренних и внешних врагов. Суд присяжных решает уголовные преступления, взыскивая с подсудимого известный штраф...»¹⁵.

¹³ [Г. В.] Новицкий, Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе, «Тифлиские ведомости», 1829, № 24.

¹⁴ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», СПб., 1836, ч. I, лл. 118 об.—119; рукопись, хранящаяся в библиотеке Центрального государственного военно-исторического архива СССР (далее ЦГВИА).

¹⁵ Г. В. Новицкий, Указ. раб., «Тифлиские ведомости», 1829, № 24.

Хотя в приведенном описании Новицкий, как и большинство авторов первой половины XIX в., преувеличивает демократический характер системы управления, сложившейся у натухайцев, шапсугов и абадзехов после событий конца XVIII в., однако несомненно, что эта система, используя традиционные формы родовой и общинной демократии, способствовала в определенной степени ограничению феодального произвола у трех самых многочисленных адыгских племен. Достигнуто это было путем самоотверженной борьбы шапсугских, натухайских и абадзехских тфокотлей¹⁶, включивших в свои «братства» значительное число беглых крепостных, с помощью которых и удалось одержать победу над князьями и дворянами. Вместе с тем следует отметить, что плодами этой победы воспользовалась главным образом старшинская верхушка тфокотлей «демократических» племен, которая, возглавив антифеодальное движение, повернула его на служение своим интересам. Обладая значительным богатством, ведя на основе крепостного труда крупное скотоводческое и земледельческое хозяйство и не гнушаясь торговлей, старшины стремились уравниваться в политических правах с князьями и дворянами. Смысл «переворота», совершившегося в конце XVIII в. у шапсугов, натухайцев и абадзехов, в основном сводился к тому, что старшины, добившись отмены привилегий феодальной знати, заняли не только равное с ней положение, но даже оттеснили князей и дворян на второй план, захватив в свои руки руководство общественными делами.

Политическое возвышение старшин у «демократических» племен единогласно констатируют все источники первой половины XIX в. По словам Хан-Гирея, «Племена абадзаское, шапсхское и натхокоадское (т. е. абадзехи, шапсуги и натухайцы.— В. Г.)... избирают старшин в присяжные судьи, каковых судей каждый *тхашь* или приход имеет по несколько человек... Когда же бывают дела, касающиеся до всего племени, то старшины эти съезжаются в одно место... В таких собраниях красноречивые старшины *льфекотлов*, вольных земледельцев (т. е. тфокотлей.— В. Г.), заменяющие в этих племенах князей и дворян, располагающих делами в княжеских владениях (т. е. в «аристократических» племенах.— В. Г.), управляют умами народа по произволу своему и всегда ко вреду высшего класса — дворянства, которое ныне по-видимому потеряло наконец свои права именно на сих собраниях. Эти буйные старшины также налагают штрафование на ослушников закона... своего племени... и взыскивают с виновных приговоренное ими штрафование»¹⁷.

Используя поддержку массы тфокотлей, от имени которых они действовали, старшины, однако, не склонны были проводить какие-либо мероприятия, носящие действительно демократический и антифеодальный характер. Владея крепостными, превращаясь по существу в новый слой дворянства, старшины были не менее князей и дворян заинтересованы в сохранении феодальной эксплуатации. Поэтому у «демократических» племен после «переворота» конца XVIII в. полностью сохранилось крепостное право, точно так же как и рабство. В этом отношении никакой принципиальной разницы между «демократическими» и

¹⁶ Тфокотлями у адыгов называлось сословие лично свободных крестьян-общинников, составлявших основную массу населения во всех адыгских племенах. Однако в XVIII и первой половине XIX в. особенно увеличилась численность тфокотлей у абадзехов, шапсугов и натухайцев, что объяснялось широко открытым доступом в ряды этого сословия беглым крепостным, особенно из «аристократических» племен (см. В. К. Гарданов, О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века, стр. 89—92).

¹⁷ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 127—127 об.

«аристократическими» племенами адыгов в первой половине XIX в. не наблюдалось¹⁸.

Политический переворот, происшедший у шапсугов, натухайцев и абадзехов в конце XVIII в., не внес, таким образом, коренных изменений в социальную структуру этих племен, сохранив у них все основные черты феодального общества с присущими ему формами эксплуатации и классового антагонизма, которые продолжали определять тот или иной характер использования пережитков родового строя, в том числе и пережитков дуальной организации. В этом отношении также не было никакой принципиальной разницы между «демократическими» и «аристократическими» племенами адыгов. И у тех, и у других различные классы по-разному пытались использовать доставшиеся им по наследству от родового общества учреждения, институты и обычаи.

Широко использовали в своих интересах пережитки родового строя адыгские феодалы — князья, дворяне и превращавшаяся в новое дворянство верхушка тфокотлей. Под прикрытием этих пережитков они старались усилить феодальную эксплуатацию, укрепить свое господство. Но и адыгское крестьянство, опираясь на унаследованные от родового строя общинные организации, стремилось восстановить прежние демократические порядки и отстоять свою свободу и независимость от притязаний феодалов. С этой целью тфокотлями были прежде всего использованы «братства», являвшиеся по своему первоначальному происхождению древними фратриями. «Братства» в сочетании с существовавшим у адыгов обычаем «соприсяжничества» («клятвенного братства»), который давал возможность заключать родственные союзы между различными «братствами», а также принимать в состав «братств» посторонних лиц, стали важнейшей формой объединения крестьянских масс для антифеодальной борьбы. Особое значение приобрели «братства» у абадзехов, шапсугов и натухайцев, у которых в состав «братств» влилась значительная часть беглых крестьян «аристократических» племен, поведших совместно с тфокотлями «демократических» племен борьбу за свое освобождение.

Новые функции «братств», все более превращавшихся у адыгов из кровнородственных в политические союзы, стала в первой половине XIX в. использовать в своих интересах и феодальная аристократия, которая у «демократических» племен путем «соприсяжничества» устанавливала искусственное родство с «братствами» тфокотлей и таким образом пыталась смягчить классовые противоречия и прекратить антифеодальные выступления крестьянства. Верхушка тфокотлей «демократических» племен охотно пошла на такой союз с дворянством, что привело у абадзехов, шапсугов и натухайцев к включению дворянских родов в одно «собратство» с тфокотлями. Это придало родоплеменной структуре шапсугов, натухайцев и абадзехов видимость большей архаичности, прикрыв классовый антагонизм, достигший у этих племен крайнего обострения, фикцией родоплеменной солидарности.

У «аристократических» племен феодалы по-прежнему гнушались родством с тфокотлями и потому родоплеменная структура кабардинцев, бесленеевцев, бжедугов и других «аристократических» племен адыгов носила ярко выраженный сословный отпечаток. Но и у «аристократических», и у «демократических» племен в первой половине XIX в.

¹⁸ См. сборник адатов черкес, составленный в 1845 г. А. А. Кучеровым (Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1882, стр. 116); К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», т. XXI, Тифлис, 1910, стр. 154—155.

прослеживаются, как мы это постараемся показать, довольно значительные пережитки дуальной организации, под оболочкой которой совершались весьма своеобразные процессы развития адыгского феодального общества.

* * *

В первой половине XIX в. у адыгов, как и других народов мира, давно уже вышедших из недр родового строя, следы древней дуальной организации ярче всего отразились в различного рода легендах о происхождении племен и аристократических фамилий. Не было ни одного адыгского племени, которое в своих преданиях не сохранило бы память о существовавшем в его прошлом делении племени на четное число родов или фамилий. Поскольку в ходе исторического развития первоначальная структура племени усложнялась и теряла свою строгую дуальность (нередко в результате присоединения к основному ядру племени других родов), то это четное деление в преданиях выступает иногда не как начальный факт истории данного племени, а как результат его последующего членения.

Однако чаще этногенетические предания адыгов дают нам много-степенное четное деление, имеющее в своей основе первоначальное симметричное деление племени на два, четыре или шесть родов, связанных единством происхождения. «По всем вероятностям народы сии,— писал Г. В. Новицкий об адыгах,— получили названия свои от родоначальников. Рассказы черкесских старейшин согласуются с сим мнением. Шапсуги получили название свое от родоначальника своего Шапсуга и от потомков его Кобле, Схалеше, Гоаго и Соатох, фамилии коих и до сих пор существуют между ними; натухайцы произошли от братьев Натхо, Хетахо и Гуане; бзедухи от родоначальника своего Бзедуха и детей его Хамеша и Черчани, по именам коих они разделились на две линии: хамещевцев и черчаниевцев»¹⁹.

Было бы, конечно, ошибочным считать такого рода легенды лишь продуктом чистого вымысла и не видеть за их фантастической оболочкой реального исторического содержания. В этой связи следует напомнить замечание К. Маркса, адресованное английскому историку Дж. Гроту, который сомневался в первоначальности родовой организации у древних греков лишь потому, что их родословные носили мифологический характер. «Г-ну Гроту,— писал Маркс,— следует... указать, что, хотя греки и выводили свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная ими самими мифология с ее богами и полубогами»²⁰.

Устойчивое сохранение в этногенетических преданиях адыгов воспоминаний о древней четной структуре племени объясняется тесной связью дуальной организации с возникшей на ее основе системой родства, которая была некогда хорошо известна всем членам племени. «Система родства, соответствующая роду в его архаической форме...,— указывал Маркс,— обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. [Они детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения]»²¹. Но по мере того как родовой строй распадался и родовые связи теряли свое значение, система родства стала забываться, а существовавшие в прошлом реаль-

¹⁹ Г. В. Новицкий, Указ. раб., «Тифлиские ведомости», 1829, № 22.

²⁰ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, 1941, стр. 136.

²¹ Там же, стр. 138.

ные отношения родственных коллективов приобретали все более фантастическую форму. В результате появляются мифологические генеалогии племен, которые, однако, как подчеркивает Маркс, имеют важное значение для реконструкции действительной генеалогии этих племен, ибо «*связь поколений, особенно с возникновением моногамии, отодвигается в глубь времен и минувшая действительность находит свое отражение в фантастических образах мифологии*»...²².

В условиях феодального адыгского общества многие этногенетические предания, естественно, приняли форму легендарных генеалогий владетельных феодальных родов, в которых обычно строго соблюдается характерный для дуальной организации принцип четного деления потомства. Одну из таких генеалогических легенд, широко распространенных в первой половине XIX в. среди адыгов, сообщает К. Ф. Сталь: «У Инала, первого черкесского князя, по преданиям было четыре сына: Темрюко, Беслан, Заноко и Капарта. Инал властвовал над черкесами нераздельно и при жизни роздал сыновьям в управление народы, которые от имен этих сыновей получили свои названия. Темиргоевцы получили название от Темрюка, бесленевцы от Беслана, кабардинцы от Капарта, одни только шапсуги не взяли названия от управлявшего ими Заноко...»²³ Согласно записанным в 20-х годах XIX в. кабардинским адатам, «Народ кабардинский разделен от Иналовых детей на четыре фамилии: Бек-Мурзина, Кайтукина, Мисостова и Атажукина»²⁴. До середины XVIII в. фамилии Бекмурзина и Кайтукина считались одной и именовались Джембулатовой (по имени Джембулата — отца Бек-мурзы и Кайтуки), сохранив представление о своем родстве и в первой половине XIX в.²⁵ На две части между потомками Инала делилась Малая Кабарда. Точно так же предания делили племя темиргоевцев на два княжеских удела по именам братьев-близнецов Болотоко и Хатуко, потомков князя Инала²⁶. Владетельные дворяне Большой Кабарды вели свое происхождение от общего родоначальника Генардука, делясь на четыре основные фамилии: Анзоровы, Куденетовы, Тамбиевы, Коголкины. «В прочих черкесских народах дворянство ведет свой род по преданиям от двух братьев Аче и Чаче»²⁷.

Различные варианты такого рода легенд, примеры которых можно значительно умножить, показывают, что представления, связанные с существовавшей когда-то у адыгов архаической родоплеменной структурой, были еще весьма живучи, своеобразно отражаясь в соответствующих генеалогиях господствующего класса.

В первой половине XIX в. пережитки дуальной организации у адыгов выявлялись с большой отчетливостью не только в исторических преданиях, к которым мы еще вернемся, но и во многих фактах общественного быта. В частности, пережитком древнего деления племени на две части являлось разделение жителей каждого адыгского аула на две группы: а) «верховую», к которой причислялись жители восточной части аула, и б) «низовую», которую составляли жители западной части аула. Это деление не имело официального административного характера, но зато ярко проявлялось в народных играх, связь которых с первоначальной дуальной организацией родового общества представ-

²² К. Маркс, Указ. раб., стр. 139.

²³ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 66.

²⁴ АКАК, т. IX, Тифлис, 1884, стр. 946.

²⁵ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. 1, стр. 223.

²⁶ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 181—181 об.

²⁷ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 67.

ляется нам несомненной. Приведем описание некоторых из этих игр, сделанное Хан-Гиреем в середине 30-х и начале 40-х годов прошлого века.

«Из всех народных игр, ныне почти забытых, примечательнее других называемая *диюр*... Игру сию начинали с наступлением весны. Жители во всех аулах разделялись на две партии: *верховую* и *низовую*... Каждый брал в руки длинный шест, на верху коего прикрепленная корзина набивалась сухим сеном или соломою. Таким образом вооруженные партии выступали одна против другой, зажигали корзинки и с ними огромными факелами нападали одна сторона на другую, крича из всей силы: *диора, диора!* Игра обыкновенно начиналась с наступлением ночной темноты... Партии, взаимно одна на другую нападая, по мере возможности захватывали пленников, коих со связанными руками приводили в гостинный дом старшин, куда по окончании борьбы каждая партия собиралась отдельно. Тут вели переговоры между собою, обменивали пленных, а оставших затем каждая партия выкупала или отпускала на волю, взяв с них обещание доставить назначенный за них выкуп, состоявший обыкновенно из съестных припасов. Таким образом собранные припасы поручали одному из старшин партии, который готовил пиршество, звал других старшин аула к себе, или в гостинный дом одного из них, куда приносили столы с яствами и напитки. Там пировали целый день или только вечер, проводя время в полной радости беззаботного веселья...»²⁸.

Любопытной подробностью данной игры было то, что ее начинала молодежь, но затем к ней присоединялись с обеих сторон все мужчины, включая и стариков. «Старики часто попадались в плен, будучи немощны и не в состоянии противиться сильным молодым борцам... Впрочем, такие пленники дорого обходились победителям, а равно и той партии, у которой похищены были: для примирения с ними надлежало удовлетворить их за то, что, не уважая их седины, увлекли их в плен, и в сем случае виновники приготавливали яства и напитки, и примирение с старцами заключалось новым угощением»²⁹.

К этой игре была близка по времени года и вторая игра, которая происходила во время пахоты. И в этом случае жители аула разделялись на две партии: «те из них, которые находятся в поле, составляют одну, а другие, остающиеся в ауле, другую. Первые, приходя в аул, схватывают шапку девицы знатного дома и относят ее в свои шалаши. Их преследуют, но редко успевают догнать, потому что они приходят и совершают свой набег скрытно. Спустя день или более возвращают шапку, завернув ее в платок, и притом привозят с поля яства и напитки, для такого случая приготовленные, в дом девицы, и там нередко целую ночь пируют и пляшут, собрав всех жителей аула...»³⁰.

На этом, однако, описываемая игра не заканчивалась. Во втором туре игры партия, состоящая из жителей, оставшихся в ауле, переходила в свою очередь к наступательным действиям и, «сбравшись толпой», отправлялась в поле, где находилась партия, похитившая у девицы шапку. Там, «в отмщение противной (стороне.— В. Г.)...», схватив ремень, которым плуг связан (он называется *вваше*), уносит его, защищаясь от преследующих. Для выручения ремня привозят яства и напит-

²⁸ Х. Г. [Хан-Гирей], Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов, «Русский вестник», 1842, № 1, стр. 20—21. Первоначально текст этой статьи вошел в качестве особого раздела во вторую часть «Записок о Черкесии», законченных Хан-Гиреем в 1836 г.

²⁹ Там же, стр. 21.

³⁰ Там же, стр. 29.

ки (от партии, находящейся в поле.— В. Г.) в тот дом, где ремень положен, и целый вечер проводят в забавах»³¹.

В этой игре, в отличие от игры, называемой Хан-Гиреем «диюр» (точнее именовать ее «джор»), принимали участие не только мужчины, но и женщины, что видно из описания заключительного тура игры. «При возвращении пахарей другая сторона встречает их и начинается борьба; каждая сторона старается столкнуть другую в воду, в одеждах. Нередко женщин обливают водой или увлекают в реку». Хан-Гирей подчеркивает, что этому игрищу адыги придавали большое значение: «Эту забаву,— пишет он,— почитают весьма важною, ибо есть поверье будто ее должно совершить для урожая»³².

Наконец, в серии этих игрищ была еще одна игра, происходившая зимой: «после уборки хлеба и сена, жители аула, разделясь также на две партии, нападают друг на друга. Сначала дерутся комьями снега, потом доходит до рукопашной битвы, и тогда захватывают пленников, которых заставляют откупаться; после чего следует угощение»³³.

При истолковании вышеописанных игр следует учесть их связь с весенними и осенне-зимними брачными циклами, установившимися с возникновением экзогамии и дуальной организации. Этим, в частности, было обусловлено приурочивание каждой игры к определенному времени года. Характерно также для начальных этапов экзогамии наличие определенного антагонизма и столкновений между двумя взаимно-брачующимися группами, что и нашло свое отражение в борьбе двух партий, участвующих в данных играх. Естественно, что со временем эти игры потеряли ряд своих древних черт и вместе с тем приобрели новые черты, не свойственные их первоначальному характеру. Так, например, появление в первом туре во второй из описанных игр знатной девицы — это несомненная дань классовому обществу, в условиях которого продолжала существовать эта древняя игра³⁴.

Не имея возможности в данной статье вдаваться в подробный разбор этих игр, отметим лишь безусловную архаичность их происхождения, подчеркиваемую тем обстоятельством, что не только первоначальный смысл, но даже и названия этих игр были совершенно непонятны адыгам во времена Хан-Гирея. Пытаясь истолковать, например, происхождение игры «диюр» («джор»), Хан-Гирей высказывает предположение, что она была связана с принятием адыгами христианства, так как «на наречиях некоторых черкесских племен *диюр* (*джор* — В. Г.) значит крест»³⁵. Вряд ли следует доказывать, что в данном случае Хан-Гирей, отличавшийся вообще глубоким пониманием исторического смысла древних адыгских обычаев, дает совершенно несостоятельное объяснение происхождения этой весьма древней игры, в которой, как это видно из его же описания, нет никаких черт, указывающих на ее возникновение в связи с христианской религией. Название игры, очевидно, лишь позднее приняло форму *диюр* — *джор*, что объясняется народной этимологией, переделавшей после распространения среди адыгов христианства в слово «крест» ставшее непонят-

³¹ Х. Г. [Хан-Гирей], Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов, стр. 30.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 22—23.

³⁴ Феодалной трансформации подверглась и заключительная часть первого тура игры. По словам Хан-Гирея, после того как в доме «знатной девицы» (у которой была похищена шапка) происходит примирительное пиршество, «отец или брат девицы делает подарки (членам той группы, которая похищала девичью шапку.— В. Г.), но по большей части молодые князья или дворяне, живущие в ауле, не допускают до того, а от себя щедро награждают похитителей» (там же, стр. 29).

³⁵ Там же, стр. 21.

ным древнее название, звучавшее возможно как «диора», которое сохранилось в качестве основного клича участников игры.

* * *

Значительные пережитки дуальной организации сохранялись вплоть до середины XIX в. в родоплеменной структуре адыгов. Рассмотрение этих пережитков мы начнем с «аристократических» племен, у которых родоплеменная структура, как уже отмечалось выше, подверглась сильному влиянию феодально-сословного строя. Поэтому родоплеменная структура «аристократических» племен выступает перед нами в форме иерархического подразделения племени на княжеские и дворянские фамилии³⁶, причем в основе пережиточно сохраняющейся племенной структуры лежит деление данного племени между отраслями правящего княжеского рода. Примером может служить родоплеменная структура кабардинцев, являвшихся одним из наиболее крупных и развитых в феодальном отношении племен «аристократической» группы.

В первой половине XIX в. кабардинцы делились на две части: так называемые Большую и Малую Кабарду. Согласно кабардинскому преданию это разделение произошло в результате ссоры кабардинского князя Шолоха Таусултанова со своими двоюродными братьями. Шолох Таусултанов с приверженными ему уорками (дворянами-вассалами) отделил часть кабардинцев, «увел их за реку Терек и поселил на правом ее берегу». Ш. Б. Ногмов, у которого мы заимствуем текст этого предания, далее сообщает: «Обстоятельство это (т. е. разделение Кабарды. — В. Г.) совершилось без всякого сопротивления со стороны прочих князей»³⁷. На первый взгляд такое мирное отделение княжеского удела кажется странным. Тем более, что в начале предания говорится: когда Шолох Таусултанов пожелал разделиться со своими двоюродными братьями, то «условия его не были ими приняты», почему Шолох ушел из Кабарды и «несколько лет скитался». Лишь после этого «несколько старшин» перешло на сторону князя Шолоха и «не ведя о том переговоров, без согласия владельцев (т. е. князей. — В. Г.), со своими аулами внезапно отделились в пользу Таусултанова поколения»³⁸.

Известно, что Ш. Б. Ногмов был весьма добросовестным собирателем кабардинского фольклора и его записи кабардинских преданий отличаются большой точностью³⁹. Поэтому каждое слово данного предания заслуживает нашего внимания. Не случайно в предании говорится о «внезапном» мирном и добровольном отделении той части кабардинцев, которые принадлежали к «Таусултанову поколению» и составили впоследствии Малую Кабарду. Если так сравнительно легко могла отделиться эта часть кабардинцев, то надо думать, что она и раньше представляла собой какую-то особую часть племени. Что выделение из состава кабардинцев «Таусултанова поколения» было не только результатом феодальных распрей, а имело еще и другие основания, показывает позиция, занятая «старшинами» этого поколения, которые, как указывает предание, поддержали князя Шолоха. Народ, как мы знаем, обычно не сочувствовал сепаратизму князей и выступал

³⁶ В кавказоведческой литературе и источниках первой половины XIX в. термин *фамилия* часто употреблялся взамен термина *род*, в соответствии с чем и мы употребляем эти термины как идентичные.

³⁷ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, Тифлис, 1861, стр. 92—93.

³⁸ Там же, стр. 92.

³⁹ См. Б. А. [В. К.] Гарданов, «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова (в кн.: Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 22—54).

против феодальных междоусобиц, от которых он больше всего страдал. Ш. Б. Ногмов на основании народных преданий рисует нам картину ужасающих бедствий, постигших кабардинцев вследствие феодальной раздробленности, и потому поддержку народными старшинами князя Шолоха скорее всего следует объяснить тем, что разделение Кабарды на Большую и Малую было не просто обычным для периода феодальной раздробленности распадом княжества на уделы, хотя и произошло в обстановке княжеских междоусобиц. Поскольку пережитки дуальной организации у адыгов вообще, а у кабардинцев в частности, сохранились и в феодальную эпоху, можно предположить, что отделение Таусултановой Кабарды было для князя Шолоха облегчено тем обстоятельством, что эта часть кабардинцев составляла пережиточно сохранявшуюся особую племенную группу — один из составных элементов четной племенной структуры кабардинцев.

После выделения Малой Кабарды в Большой Кабарде осталось всего три «рода», или «фамилии», князей, между которыми и делилось все население Большой Кабарды. Следовательно, до выделения Малой Кабарды кабардинское племя разделялось на четыре рода. Так и представляет себе деление кабардинцев до XVI в. родословная кабардинских князей, составленная в 40-х годах XVII в. Согласно этой родословной, у родоначальника кабардинских князей Табулы, сына Акабгу, было четыре сына: «Первой сын Инармас, другой Янхот (Джанхот. — В. Г.), третьей сын Минбулат, четвертой Кирклыш»⁴⁰. От этих четырех братьев и пошли все княжеские фамилии Большой и Малой Кабарды. Аналогичную генеалогическую структуру кабардинцев дает родословная кабардинских князей, составленная 100 лет спустя, в 1744 г. В ней также родоначальниками княжеских фамилий Большой и Малой Кабарды считаются четыре брата, имена которых совпадают с именами, указанными в родословной XVII в., но отцом которых считается не Табула, а Инал⁴¹. Родословная 1744 г. была заверена именными печатями князей и первостепенных узденей Большой Кабарды и, таким образом, дает нам версию наиболее принятой в то время у кабардинцев генеалогической структуры правящего княжеского рода, в которой своеобразно отражалась древняя основа племенной организации Кабарды. Но следует учесть, что деление на четыре рода не было первоначальным делением кабардинского племени, которое, по преданиям, в древности состояло из двух частей: одну составляли предки собственно кабардинцев, а другую — предки бесленевцев, отделившихся от своих соплеменников раньше Малой (Таусултановой) Кабарды, но при аналогичных обстоятельствах.

Когда точно произошло разделение Кабарды на Большую и Малую — сказать трудно. В шертной записи кабардинских князей Мамстрюка и Куденета, данной царю Федору Ивановичу в июле 1588 г., упоминается князь Шолох Ташбзаруков (Ташсаруков) из рода Тоилостанова (Таусултанова), который — «з братьюю и с племянники и з детми» находился во вражде со старшими князьями Кабарды⁴². Если этого князя Шолоха отождествить с Шолохом Таусултановым, кото-

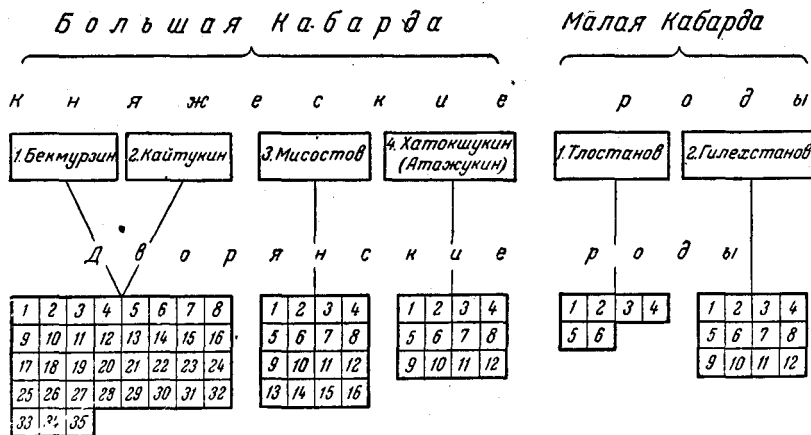
⁴⁰ С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, вып. I, М., 1889, стр. 3. Цитируемая родословная помещена в рукописи родословной книги, принадлежавшей князю А. И. Лобанову-Ростовскому и подписанной им 1 сентября 7173 (1664) г. Однако родословная кабардинских князей была, по-видимому, составлена между 1642—1645 гг. (см. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, М., 1957, стр. 424, примеч. 415).

⁴¹ Архив внешней политики России (далее АВПР), Кабардинские дела, оп. 154, кн. 3, 1742—1769 гг., лл. 69—70; ср. Кабардинские дела, 1774 г., д. 4, л. 124.

⁴² С. А. Белокуров, Указ, раб., стр. 48.

рого предание называет первым князем Малой Кабарды, то выделение малокабардинцев можно датировать примерно 80-ми годами XVI в. В пользу указанной датировки говорит и тот факт, что князь Шолох в 1614 г. дает присягу (шерть) царю Михаилу Федоровичу в качестве старшего князя всей Кабарды⁴³. Из этого факта можно сделать вывод, что разделение Кабарды на Большую и Малую в начале XVII в. было явлением сравнительно новым и не привело еще к полному обособлению малокабардинских князей от князей Большой Кабарды, как это произошло позднее, во второй половине XVII и в XVIII в. К середине XVII в. выделение Малой Кабарды упрочилось и за ней уже закрепилось это название, которое в дошедших до нашего времени источниках впервые встречается в грамоте кабардинских князей Алегуки Шеганукова и Ходокшуки Казыева, присланной царю Алексею Михайловичу в 1647 г.⁴⁴

В первой половине XIX в. княжеская династия Большой Кабарды снова делилась на четыре основные фамилии и каждый коренной житель Большой Кабарды, начиная от князя и кончая «холопом», считался принадлежащим к одной из этих фамилий (такой же порядок соблюдался в Малой Кабарде и во всех «аристократических» племенах адыгов). Восстановление четной структуры деления Большой Кабарды вряд ли можно рассматривать как случайное обстоятельство, вызванное случайным разделением на две части потомства одной из основных княжеских фамилий — фамилии Джембулатовой (на Бекмурзину и Кайтукину). Мы склонны в этом разделении видеть влияние пережиточно сохранявшейся в родоплеменной структуре кабардинцев дуальной организации. Таким же образом, как нам кажется, объясняется разделение на две княжеские фамилии и Малой Кабарды. Устойчивое сохранение четного деления в родоплеменной структуре кабардинцев вплоть до 30—40-х годов XIX в. видно из приведенной ниже схемы деления княжеских и дворянских родов Большой и Малой Кабарды, составленной нами по данным Хан-Гирея⁴⁵.

При существовавшей у кабардинцев сословной иерархии, дворянские роды представляли собой как бы следующее за соответствующим княжеским родом звено племенной структуры. Наша схема показывает, что каждая группа дворянских родов, принадлежавшая к опреде-

⁴³ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 80—81, дожум. № 49.

⁴⁴ Там же, стр. 286, док. № 178.

⁴⁵ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, лл. 164—169.

ленному княжескому роду, являвшемуся основным подразделением кабардинского племени, имела в свою очередь, как правило, четное деление, состоя из 16 родов в группе, принадлежавшей к княжескому роду Мисостовых; из 12 родов в группе, принадлежавшей к княжескому роду Хатокшукиных (Атажукиных); из 6 родов в группе, принадлежавшей к княжескому роду Тлостановых (Таусултановых), и из 12 родов в группе, принадлежавшей к княжескому роду Гилехстановых. Только группа дворянских родов, принадлежавшая к княжеским родам Бекмурзиных и Кайтукиных, составлявших в прошлом один княжеский род Джембулатовых, имела нечетное деление. Но это может быть объяснено тем, что Хан-Гирей дает эту группу дворянских родов нерасчлененной между княжескими родами Бекмурзиных и Кайтукиных, тогда как в первой половине XIX в. 35 дворянских родов этой группы были уже фактически разделены между указанными двумя княжескими родами и, следовательно, одно из этих подразделений тоже должно было иметь четное число.

Наличие реальных следов дуальной организации у «аристократических» племен может быть проиллюстрировано и на примере бесленеевцев. Известно, что бесленеевцы являются ближайшим ответвлением кабардинцев, обособившимся в результате феодальных междоусобиц в конце XV в.⁴⁶ Однако выделение бесленеевцев в особое феодальное владение имело под собой основу в древней родоплеменной структуре, что и отражают адыгские предания. Одно из таких преданий сообщает Ш. Б. Ногмов, относя деление кабардинцев на две части (из которых одна стала позже называться бесленеевцами) ко временам Тмутараканской Руси X—XI вв. и связывая это деление с именами двух потомков родоначальника всех адыгских князей Инала — Идара, оставшегося князем кабардинцев, и Каноко, возглавившего отделившихся бесленеевцев⁴⁷.

Аналогичное предание передает и Хан-Гирей, по словам которого после смерти Инала потомки его разделились на две части: одну из них составили кабардинцы, переселившиеся с Кубани в окрестности Пятигорья, а другую — бесленеевцы, оставшиеся на Кубани. «Это предание, — замечает Хан-Гирей, — кажется более правдоподобным, однако же есть и другие предания, по которым полагают, что бесленейцы вместе с кабардинцами, составляя одно владение, перешли из-за Кубани в окрестности Пятигорска, где при разделении кабардинского поколения бесленейцы шестую часть или шестой удел составили и когда ...кабардинцы постепенно подвигались на восток, к берегам Терека, бесленейцы переселились за Кубань, на прежние места жительства»⁴⁸.

В родословной кабардинских князей, составленной в XVII в., деление потомства кабардинских князей на две ветви тоже рассматривается как изначальный факт их истории. В отличие от традиционного Инала, которым обычно начинается большинство родословных кабардинских князей, в этой родословной счет начинается с другого легендарного предка — Акабгу, затем идут: «Акабъгины дети Табулы да Беслень. И Табула остался в Каборде, а от него пошли все кабардин-

⁴⁶ АВПР, Кабардинские дела, 1748 г., д. 6, л. 2—2 об.; Е. Н. Кушева, Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг., «Исторические записки», т. 34, 1950, стр. 250; ее же, Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., М., 1963, стр. 140—143.

⁴⁷ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., 1861, стр. 77—87. Интересно отметить, что Ногмов, повествуя на основании народных преданий о предках кабардинцев и бесленеевцев, сообщает, что у Инала было два сына — Унармес и Кирмиш, у Идара тоже два сына — Питу и Маремихо (там же, стр. 78 и 83).

⁴⁸ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, лл. 174 об.—175.

ские и черкаские (князя. — В. Г.). А Беслень от нево ис Каборды откочевал прочь в Беслене, там его и род пошел в Бесленях»⁴⁹.

Характерно, что в преданиях о происхождении бесленеевцев ярко выступает свойственное большинству этногенетических представлений адыгов деление племени на две части, которые в свою очередь подвергаются четному делению. Обособившиеся от кабардинцев бесленеевцы в дальнейшем также делятся на две части. Это деление бесленеевцев сохранилось до первой половины XIX в., когда бесленеевцы, по словам Хан-Гирея, делились на «два удела»: Шолоха и Бекмурзы, ведших свой род от князя Каноко⁵⁰. Что касается дворянских родов бесленеевцев, то Хан-Гирей насчитывал всего 24 рода, поделенных между двумя ветвями потомков Каноко. Из числа этих родов пять «суть отрасли Тохшоковой фамилии, состоят в родственном союзе и в соприсяжничестве», другие пять «происходят от Шевонесшековой фамилии и составляют родственный союз», третьи пять «состоят в родственном союзе и известны под общим именем Курхгоко». Члены этих 15 «родов» считались первостепенными дворянами и принадлежали к княжескому уделу Шолоха, остальные же 9 «родов» входили в особый союз, состоявший из второстепенных дворян, и были причислены к княжескому уделу Бекмурзы⁵¹.

Таким образом, 24 рода бесленеевских дворян могут быть сведены к 4 основным родам, из которых они образовались. Особый интерес вызывают первые 15 родов, образовавшиеся в результате сегментации первоначальных трех родов, наименования которых сохранили соответствующие «братства», объединившие эти роды в одну фратрию. В данном случае мы имеем классический пример, иллюстрирующий естественное образование фратрий вследствие разделения первоначального рода.

Наименование «братства»	Наименование рода	Примечания Хан-Гирея
Тохшоко	1. Тохшоко *	«Все пять родов суть отрасли Тохшоковой фамилии, состоят в родственном союзе и соприсяжничестве»
	2. Хазеретоко	
	3. Умефезжь	
	4. Бекупсеко	
	5. Анезжеко	
Шевонесшеко	6. Шевонесшеко	«И сии пять родов происходят от Шевонесшековой фамилии и составляют родственный союз»
	7. Ельбуздеко	
	8. Чельмрзеко	
	9. Лехстухгко	
	10. Техоко	
Курхгоко	11. Курхгоко	«Все пять родов** состоят в родственном союзе и известны под общим именем Курхгоко»
	12. Медядеко	
	13. Члешх	
	14. Хелзжько	
	15. Мсостко	

* Роды перечисляются в том порядке, в котором даны у Хан-Гирея.

** В рукописи Хан-Гирея здесь ошибочно написано: «Все шесть родов».

Как показывает, приводимая нами для наглядности таблица, каждый новый род бесленеевских дворян получил новое имя, а начальный род сохранил прежнее имя, ставшее по праву старшинства именем

⁴⁹ С. А. Белокуров, Указ. раб., стр. 3.

⁵⁰ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 176—176 об. (ср. К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 67).

⁵¹ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, лл. 177 об.—178.

данного «братства». Л.-Г. Морган в свое время указывал, что у ирокезов в большинстве случаев имя первоначального рода бывает неизвестно, но когда оно оказывалось известным, то всегда обнаруживалось, что это имя носила и фратрия, образовавшаяся из подразделений данного рода⁵². Это еще одно доказательство того, что адыгские «братства», подобно ирокезским фратриям, основывались на родстве родов.

Все бесленеевцы, за исключением населения 7 княжеских аулов, проживали в аулах, принадлежавших дворянам. Таких аулов по данным Хан-Гирея насчитывалось 27. Каждый дворянский род, как правило, имел во владении один аул. Только 3 дворянских рода имели по 2 аула (роды Хазеретоко и Умефезжь из «братства» Тохшоко и род Шшевонесшеко из «братства», носящего его имя). Жители дворянских аулов причислялись к роду и «братству» своих владельцев. Поэтому приведенное выше членение бесленеевских дворян на роды и «братства» надо рассматривать как важное выражение архаических черт родоплеменной структуры, пережиточно существовавшей у бесленеевцев в первой половине XIX в.

Яркие пережитки дуальной организации наблюдались в первой половине XIX в. у «демократических» племен адыгов. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в ряде преданий о происхождении «демократических» племен четко выступают начальные формы этой организации. Согласно сведениям, сообщаемым Хан-Гиреем и Люлье, шапсуги и натухайцы составляли первоначально две части одного племени, в которое входило пять родов, распределявшихся между этими двумя частями (фратриями) неравномерно. Два рода — Натхо (Надхо) и Нетдахо (Нетахо), — считавшиеся братскими, образовали впоследствии племя натухайцев, а три другие — Кoble, Сшхапте (Схапете) и Сшеотох (Соотох) — положили начало племени шапсугов⁵³. К шапсугам позднее присоединился род Гоаго, отошедший от хатукаевцев из-за угнетения их князей, а с натухайцами слились жившие по соседству Гуайе (Гоайе), составлявшие до этого самостоятельное племя⁵⁴.

В основном такую же родоплеменную структуру шапсугов и натухайцев, рисует нам и Г. В. Новицкий, который делит шапсугов на потомков братьев Кoble, Схапеше, Гоаго и Соатох, а натухайцев на потомков братьев Натхо, Хетахо и Гуайе⁵⁵. Информаторы Новицкого не выделяли роды Гоаго и Гуайе как более поздние в составе шапсугов и натухайцев. Из этого, по нашему мнению, следует заключить, что большинство соплеменников указанные роды рассматривало в первой половине XIX в. уже как коренные отрасли шапсугов и натухайцев. Видимо лишь немногие знатоки адыгской старины в то время помнили о первоначальном членении шапсугов и натухайцев на пять родов, которое отметили в своих описаниях Хан-Гирей и Люлье, более детально изучившие родоплеменную структуру адыгов.

Присоединение чужеплеменных родов, как мы видим на примере шапсугов и натухайцев, могло по-разному влиять на основную структуру племени. В одних случаях такая инкорпорация приводила к установлению внутри племени четного деления вместо существовавшего у него до этого нечетного числа подразделений (как это произошло с

⁵² Л.-Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 80.

⁵³ «Записки о Черкессии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 219; Л. Я. Люлье, О натухайцах, шапсугах и абадзехах, «Записки Кавказского отдела Русского географического общества» (далее ЗКОРГО), кн. IV, Тифлис, 1857, стр. 228 (в скобках даны названия родов в транскрипции Люлье).

⁵⁴ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 228—229.

⁵⁵ Г. В. Новицкий, Указ. раб., «Тифлиссские ведомости», 1829, № 22.

шапсугами), в других, наоборот, присоединение к ядру племени чужеродной группы влекло за собой нарушение первоначального четного деления (как это было у натухайцев). Однако в целом шапсуги и натухайцы в первой половине XIX в. имели четную структуру, состоя, по данным Люлье, всего из шести основных родов (по три в племени), каждый из которых в свою очередь делился на четное или нечетное число частей, а именно: Натхо на 28, Нетахо на 19, Кобле на 30, Схапете на 15, Гоаго-Соотох на 22, Гуаие на 17⁵⁶.

У Хан-Гирея мы находим некоторые подробности о внутреннем членении шапсугов и натухайцев, показывающие, как своеобразно в родоплеменной структуре адыгов сохранение архаических принципов дуального деления сочеталось с классовым делением и обычаем «соприсяжничества».

По данным Хан-Гирея у шапсугов насчитывалось 5 дворянских родов и 81 род тфокотлей, входящих в три главных «собратства». Из пяти дворянских родов три, во главе с самым знатным у шапсугов родом Абат, были «соприсяжниками» и составляли одно дворянское «братство». Два других дворянских рода Шеретлоко и Немере являлись самостоятельными. Роды тфокотлей также делились на три основных «собратства», в том числе 37 родов тфокотлей «состоят в союзе соприсяжничества или собратства и имеют общее название Кобли. Дворянский род Абате с его союзниками причисляется к сему соприсяжничеству или собратству». Следующие 11 родов тфокотлей «имеют общее название Сшеотох и состоят в родственном союзе» точно так же, как и другие 11 родов, «носят общее название Хгоахго и состоят в союзе или братстве», а вместе эти 22 рода тфокотлей объединены в соприсяжничество, носящее название «Хгоахго-Сшеотох». Дворянский род Шеретлоко «причисляется к сему соприсяжничеству». И, наконец, последние 22 рода тфокотлей «состоят в союзе соприсяжничества и называются Сшхапте. Дворянский род Немере причисляется к сему соприсяжничеству»⁵⁷.

У натухайцев, по сведениям Хан-Гирея, было всего 10 дворянских родов и 44 рода тфокотлей. Шесть дворянских родов были соприсяжниками и составляли одно «братство», носившее название одного из входивших в него родов, что указывает на происхождение от него остальных родов данного «братства». Название этого старейшего дворянского рода натухайцев в транскрипции Хан-Гирея — *Впако*, хотя обычно эта дворянская фамилия в источниках первой половины XIX в. именуется Сюпако или Супако. Остальные «четыре фамилии, будучи союзники, составляли вторую партию дворян» натухайского племени. В соответствии с этим на две основные части делились и натухайские тфокотли. Первая часть состояла из 12 родов, образовавших «братство» под названием Натхо, и 9 родов, входившие в «братство», известное под именем Нетдахо, а все вместе эти роды натухайских тфокотлей были «причислены к первому отделению дворянских фамилий» и именуется в общем составе Натхо-Нетдахо и составляют главнейшее отделение» натухайского племени. Следующие 11 родов тфокотлей, по словам Хан-Гирея, «почитаются присоединившимися в позднейшее время к первым». Таким образом первая часть натухайского племени состояла всего из 32 родов тфокотлей. Оставшиеся затем 12 родов

⁵⁶ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 231—232. Род Гоаго, по данным Люлье, объединился с родом Соотох. Хан-Гирей тоже указывает, что род Гоаго (в его транскрипции: Хгоахго) находится в союзе с родом Соотох (в его транскрипции: Севотох или Сшеотох) и составляет одно «собратство».

⁵⁷ «Записки о Черкессии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, лл. 224—226 об.

тфокотлей, «именуемых в совокупности Хгоае», вместе с 4 дворянскими родами, «вторую партию составляющими», образовали вторую часть натухайского племени⁵⁸.

Интересно отметить, что в то время как низшие звенья родоплеменной структуры у шапсугов и натухайцев не обязательно имели четное деление, высшие звенья стремились к сохранению строго выдержанного дуального характера. Можно думать, что последнее обстоятельство было связано с использованием дуально-фратриальной организации у «демократических» племен для нужд административного управления, к которым она и была приспособлена после политического переворота конца XVIII в. Это особенно хорошо прослеживается на примере шапсугско-натухайского племенного союза, который делился на шесть основных частей, по три в каждом племени.

В самом деле, если бы не искусственные меры, принятые для создания у шапсугов и натухайцев в верхнем звене симметричного деления, то у этих племен должно было оказаться не шесть, а семь основных родов: четыре у шапсугов и три у натухайцев. Однако такое членение не позволяло сохранить строго дуальный характер действовавшей в это время у шапсугов и натухайцев системы управления. Объединение этих родственных племен в начале XIX в. в один политический союз, что единодушно отмечают все источники того времени⁵⁹, привело, в частности, к объединению у шапсугов двух родов — Гоаго и Соотох. В результате у шапсугов, как и у натухайцев, получилось по три основных родовых организации. Сведенные попарно, они составили дуальную основу административного управления. Позднее, когда шапсуги и натухайцы в качестве единой народности вошли в конце 40-х гг. XIX в. в политический союз с абадзехами, они стали делиться всего не на шесть, а на восемь основных родов или фратрий. Можно полагать, что это было вызвано необходимостью привести родоплеменную структуру шапсугов и натухайцев в соответствие с родоплеменной структурой абадзехов.

Наши сведения о родоплеменной структуре абадзехов до объединения их с шапсугами и натухайцами сравнительно скудны. Поэтому трудно с достаточной определенностью сказать, каково было основное деление абадзехов в то время. Л. Я. Люлье, сообщая подробные сведения о родоплеменной структуре шапсугов и натухайцев, в отношении абадзехов ограничивается кратким замечанием, что у них насчитывалось «до восьмидесяти» кланов⁶⁰. Сообщаемая Люлье цифра 80 может быть сопоставлена с известным нам разделением абадзехов на восемь основных подразделений в 50-х годах XIX в., когда они составляли один племенной союз с шапсугами и натухайцами⁶¹. С другой стороны, 80 абадзехских кланов напоминают о разделении абадзехов на восемь феодальных родов⁶², к которым до «переворота» конца XVIII в. причислялось все население Абадзехии, подобно тому как это имело место в «аристократических» племенах. Имеются также сведения о разделении абадзехов в 40-х гг. XIX в. на восемь «обществ», часть которых по традиции носила наименования абадзехских дворянских родов. По словам К. Ф. Сталя, сообщаящего эти сведения, «Общества абадзехские, известные нам, суть: 1) туба, 2) тем-даши,

⁵⁸ «Записки о Черкессии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, лл. 228—230 об.

⁵⁹ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6382, л. 5; д. 19256, л. 32.

⁶⁰ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 232.

⁶¹ Th. Larinski, Die Bergvölker des Kaukasus..., Hamburg, 1863, т. I, стр. 74—76.

⁶² «Записки о Черкессии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 217.

3) джангет-хабль, 4) даур-хабль, 5) нежуко-хабль, 6) гатюко-хабль и 7) тфишебс. Другие общества совсем нам неизвестны»⁶³.

Неполнота имевшихся об абадзехах в первой половине XIX в. сведений объясняется тем, что это многочисленное племя занимало наиболее отдаленные горные районы Черкесии и получение о нем подробной информации в период Кавказской войны было весьма затруднительным⁶⁴. Даже Хан-Гирей, который лучше многих своих современников знал абадзехов, видимо, не был осведомлен в деталях их родоплеменной структуры в той же степени, как это имело место в отношении других адыгских племен.

В «Записках о Черкесии» Хан-Гирей сообщает, что абадзехи первоначально делились на два дворянских рода и на два рода тфокотлей. «Дворяне, господствовавшие некогда между абадзехами над льфекотлами,— пишет Хан-Гирей,— ныне этой власти лишены по причине усиления народа, разделяются на две главные отрасли: *Кушмез* и *Оздемир*, которые опять подразделяются на отрасли... *Льфекотлы*... также разделяются на две главные отрасли: *Кубер* и *Цбер*»⁶⁵. Таким образом основа родоплеменной структуры абадзехов в первой половине XIX в. имела, как и у других адыгских племен, отчетливо выраженный дуальный характер. Однако даже у этого, по отзывам современников, наиболее «демократического» адыгского племени родоплеменная структура подверглась сильному влиянию феодализма, разделившего абадзехские роды по сословному признаку. Названные Хан-Гиреем два основных дворянских рода абадзехов — *Кушмез* и *Оздемир*, согласно народному преданию, записанному у абадзехов в середине 60-х гг. XIX в. Н. Л. Каменевым, считались первоначальными родами всего абадзехского племени⁶⁶. Из этого можно сделать вывод, что вначале абадзехское племя делилось всего лишь на два рода, которые как старшие в генеалогической структуре абадзехов позднее в связи с развитием феодализма были признаны аристократическими, тогда как следующие два рода, как более «молодые» стали считаться родами тфокотлей.

В 30-е гг. XIX в. у абадзехов, по данным Хан-Гирея, было всего восемь дворянских родов, из которых три (*Анфеко*, *Данчате*, *Бешико*) «будучи соприсяжники составляют одну отрасль родов», а пять других (*Едыге*, *Инемко*, *Дауре*, *Хуштеко* и *Недько*) «как и предыдущие, составляют другую отрасль дворянских родов, будучи соприсяжники»⁶⁷. Следовательно, восемь дворянских родов абадзехов делились на два «соприсяжничества» («братства») с неодинаковым числом родов в каждом из них.

Деление абадзехских дворян на восемь основных родов заслуживает особого внимания, так как оно до конца XVIII в. было делением всего абадзехского племени, что, в частности, нашло свое отражение в наименовании соответствующих абадзехских «обществ». На последнее

⁶³ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 154. В этом перечне Сталь не назвал восьмое, известное ему по названию, абадзехское «общество» — берзек-хабль (см. там же, стр. 155).

⁶⁴ В составившихся по заданию Генерального штаба в первой половине XIX в. описаниях Северного Кавказа всегда подчеркивалась недостаточность имеющихся сведений об абадзехах. Так, в подготовленном Генеральным штабом в 1851 г. описании «Закубанского пространства» (т. е. Черкесии) было указано: «О Залабинских (т. е. за рекой Лабой.— В. Г.) народах, находящихся в ведении нашего пристава..., все определено приблизительно. Что касается до абадзехов, нам непокорных, то об них мы еще знаем гораздо менее» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19051, л. 115 об.).

⁶⁵ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 215.

⁶⁶ Н. Каменев, Бассейн Псекупса, «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 5.

⁶⁷ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 217.

обстоятельство обратил в свое время внимание К. Ф. Сталь, который, отметив, что у абадзехов в 40-х гг. XIX в. существовало «сословие первостепенных дворян (тляко-тляжей)», имевших «прежде тоже важное значение, какое имеют и поныне тляко-тляжи у темиргоевцев и кабардинцев», писал: «Как след прежнего значения осталось только то, что первостепенные (дворянские. — В. Г.) фамилии оставили свое название некоторым абадзехским обществам (хабль) и общинам (псухо). Так, например, община берзек-хабль именуется от фамилии Берзеков, общество джангет-хабль от фамилии Джангетов и прочая»⁶⁸. В дополнение к приведенным Сталем примерам наименования абадзехских «обществ» по фамилиям первостепенных абадзехских дворян, укажем, что «общество» даур-хабль получило свое наименование от дворянского рода Даур, а нежуко-хабль от дворянского рода Нежуко (Недько — в транскрипции Хан-Гирея). Таким образом, по крайней мере четыре из восьми абадзехских «обществ» сохраняло в своем наименовании следы былой принадлежности феодальным фамилиям Абадзехии.

В связи с этим возникает довольно сложный вопрос о природе адыгских хаблей, которые в первой половине XIX в. выступают перед нами как территориальные единицы, что подчеркивает применяемый к ним в русских источниках того времени термин «общество». Однако, видимо, по первоначальной своей природе адыгские хабли являлись родоплеменной группой, что и нашло свое отражение в самом термине «хабль» (адыгейск. «хъабл», кабард. «хъэблэ»), в основе которого лежит слово «благъэ», что значит, по объяснению Л. Я. Люлье, «близко», «близок». Первоначально это слово, видимо, употреблялось в смысле — «близкое родство», «близкий родственник», позднее в смысле — «близкий друг», «приятель»⁶⁹. В XIX в. термин «хабль» у адыгов применялся как для обозначения села, так и части села (кварталов), населенной или родственной группой или людьми, зависящими от определенной феодальной фамилии. Поэтому очень часто хабли носили патронимические названия⁷⁰. Еще Ф. И. Леонтович высказал предположение (правда, никак его не аргументируя), что адыгские хабли по своему происхождению были родовыми союзами, соединявшими «роды в племенные поколения», а позднее превратились в объединявший несколько сельских общин «территориальный округ», аналогичный русской волости или немецкому Gau⁷¹. Это предположение Леонтовича можно принять лишь с известными оговорками, так как если у нас имеются серьезные основания считать, что хабль у адыгов превратился из родственного союза в территориальный, то, напротив, нет никаких данных, подтверждающих повсеместное образование в Черкесии из хабля крупной территориальной единицы, охватывающей целый округ с многими общинами. Кроме Сталя, на которого ссылается в данном случае Леонтович, никто из авторов первой половины XIX в. не говорит, что адыгский хабль включал в себя несколько сельских общин, неправильно именуемых Сталем «псухо». Как мы уже имели случай убедиться, Сталь не очень ясно представлял себе взаимоотношение между хаблем и псухо, нередко путая их между собой. К тому же

⁶⁸ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 155. Сталь явно допускает ошибку, считая берзек-хабль «псухо», тогда как само наименование свидетельствует, что это было «хабль».

⁶⁹ См. «Словарь русско-черкесский или адигский... составлен Леонтием Люлье», Одесса, 1846, стр. 7 и 58; В. М. Гарданов, Кабардино-русский фразеологический словарь, Нальчик, 1963, стр. 32.

⁷⁰ Эту связь хабля с патронимией отмечает М. О. Косвен (Указ. раб., стр. 36).

⁷¹ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 403.

Следует учесть, что при характеристике адыгского хабля Сталь исходил главным образом из абадзехского материала, который ему сообщил Омар Берсеев (известный абадзехский ученый, помогавший Сталю в 50-х гг. XIX в. доработать рукопись «Этнографического очерка черкесского народа»), а абадзехский хабль имел свои особенности. В частности, абадзехский хабль, который Сталь взял за образец при описании адыгского хабля, сохранял в первой половине XIX в. в большей степени архаические черты родовой организации, чем это имело место у других адыгских племен. Поэтому-то на примере абадзехского хабля можно так отчетливо проследить древнюю связь адыгских хаблей с родовыми подразделениями, выразившуюся прежде всего в наименовании абадзехских хаблей по фамилиям возглавлявших их дворянских родов.

Рассмотренный выше материал, в том числе касающийся и абадзехских хаблей, дает нам возможность признать, что деление на восемь дворянских родов лежало в основе существовавшей у абадзехов в первой половине XIX в. родоплеменной структуры. Это, в свою очередь, делает понятным, почему именно восьмичленное деление было принято в качестве основного при создании конфедерации, объединившей абадзехов с шапсугами и натухайцами.

Хан-Гирей не указывает, как он это делает в отношении шапсугов и натухайцев, в каких связях находились родовые подразделения абадзехских дворян с родовыми подразделениями абадзехских тфокотлей, у которых насчитывался, по его данным, 61 род. Отмечая, что все эти роды ведут свое происхождение от двух родоначальников (благодаря чему абадзехские тфокотли, принадлежащие к потомству этих людей, считаются между собой родственниками), Хан-Гирей высказывает сомнение в происхождении многочисленного «простого класса абадзехов» от двух человек, «которые не были ни Адамом, ни Ноем», но, продолжает Хан-Гирей, «абадзехи (имеются в виду абадзехские тфокотли. — В. Г.) утверждают это потому только, что у них соприсяжники (союзники) между собою соединяются узами родства..., после чего и делаются братьями по их закону»⁷².

* * *

Существовавшие у адыгов в первой половине XIX в. различные формы родовых коллективов являлись в значительной мере фикцией тех архаических организаций, которые были их прототипами. Пережиточно сохранявшиеся в это время у адыгов роды и фратрии связывали своих членов лишь идеологическими узами — представлением о родстве, которое часто носило теперь искусственный характер, основываясь не на происхождении от общих предков, а на обычае «соприсяжничества» («клятвенного братства»). Это не мешало, однако, тому, что члены родов и фратрий, расселенные в разных аулах, а нередко и по разным ущельям, по-прежнему считали себя кровными родственниками, строго соблюдали экзогамию, обычай кровной мести и другие обязательства, вытекавшие из родовой солидарности.

Адыгский род, давно потерявший свое значение как хозяйственная единица, естественно, не сохранил в первой половине XIX в. и своей территориальной целостности. Составлявшие его большие и малые семьи⁷³ были разбросаны по всей территории, занимаемой данным

⁷² «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 215.

⁷³ У адыгов в первой половине XIX в. преобладающей формой семьи была малая семья, хотя еще довольно часто встречались большие семьи. Существующее в литературе мнение о господстве у адыгов в это время большой семьи является ошибочным и

племенем, находясь нередко на значительном расстоянии друг от друга. «Каждый род,— писал Сталь в «Этнографическом очерке черкесского народа»,— живет не вместе, но по семействам, и там, где захочет»⁷⁴. То же самое отмечал и другой хорошо осведомленный автор, писавший в 1860 г. об адыгах, что «семейства одного и того же рода редко живут сплошною массою: аулы черкесов разбросаны в лесах Закубанья по течению рек или вдоль ущелий, так что в двух смежных долинах или ущельях живут семейства одного и того же рода, но каждая из долин и каждое из ущелий не всегда заняты семействами исключительно одного рода, а напротив того, часто бывают заселены семействами нескольких родов»⁷⁵.

На смену распадавшимся родовым союзам у адыгов, как и у других народов, пришла соседская община. Именно она приобретала все большее значение в общественной жизни адыгов, хотя до середины XIX в. территориальные связи так и не успели окончательно заменить собой кровнородственные. Соседская община у адыгов совпадала обычно с аулом (адыгейск. «кьуадж», кабард. «кьуаже») и состояла, как правило, из семейств (дворов), принадлежащих к разным родовым группам. Несколько аулов, расположенных в долине одной реки или в горном ущелье, составляли «псухо», являвшийся самым крупным территориальным подразделением адыгского племени. Следует отметить, что в литературе первой половины XIX в. наблюдается значительная путаница в определении терминов, касающихся территориальных подразделений адыгов. Видимо это в известной мере объяснялось недостаточной дифференцированностью соответствующих понятий у самих адыгов в то время. Так, Люлье в своем словаре указывает следующие адыгские термины, соответствующие слову село— деревня: «куадже», «чилле», «хабль». Терминологическая путаница повлекла за собой неправильные представления о структуре территориальных подразделений у адыгов. Отмеченное уже выше ошибочное утверждение Сталя, что община у адыгов обозначалась словом «псухо», а несколько общин составляли «хабль» было воспринято не только Леонтовичем, но и многими последующими исследователями, став традиционной точкой зрения по этому вопросу⁷⁶. Между тем слово «псухо» обозначает у адыгов «долину», то есть все те поселения, которые находились в долине данной реки.

Природные условия горных местностей, в которых обитали адыгские племена, не только сыграли большую роль в территориальной раздробленности родственных групп, но и способствовали тесному сплочению жителей отдельных долин и ущелий. Именно в соответствии с разделением страны горными хребтами на изолированные речные долины и образовались у адыгов более или менее крупные объединения сельских общин, к которым и можно было бы применить употреблявшийся в русских источниках того времени термин «общест-

связано с преувеличенным представлением о роли в их быту родового строя. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что у адыгов в первой половине XIX в. на семью в среднем приходилось от 5 до 8 человек. При такой средней численности адыгского семейства широкое распространение большой семьи, разумеется, было исключено (См. В. К. Гарданов, О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века, стр. 86—88).

⁷⁴ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 149.

⁷⁵ А.-Д. Г., Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии, «Военный сборник», СПб., 1860, № 1, стр. 299.

⁷⁶ См. «Очерки истории Адыгеи», Майкоп, 1957, стр. 171; М. В. Покровский, Адыгейские племена в конце XVIII—первой половине XIX века, «Кавказский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XLVI, М., 1958, стр. 93.

во»⁷⁷. Вот почему в территориальном делении адыгских племен такое важное значение имела система горных хребтов и речных долин. Она составляла основу расселения адыгов и потому авторы первой половины XIX в., описывавшие Черкессию, уделяют такое большое внимание орографии и гидрографии страны. Л. Я. Люлье, например, перечисляет более 70 рек и речек, протекавших по территории натухайцев⁷⁸. Г. В. Новицкий в своей работе «Топографическое описание северной покатоности Кавказского хребта»⁷⁹ дает подробное описание системы рек всей Черкесии с указанием какие «общества» на каких реках помещались. Из описаний Люлье, Сталя, Новицкого и Хан-Гирея видно, что часто наименование «обществ» у «демократических» племен происходило от названия соответствующей реки, а название поселения — от урочища, близлежащей горы или небольшой речки, вдоль течения которой это поселение располагалось⁸⁰.

Численность населения отдельных «обществ» («псухо») зависела от величины речной долины и наличия в ней удобных для хозяйства земель. К. Ф. Сталь, говоря о шапсугах, указывает: «Народонаселение живет по речкам и разделяется на самостоятельные псухо. Вот приблизительно распределение народонаселения по рекам: Шебс 2500 дворов, Афибс 5000, Убин 500, Антхыр 800, Бугундур 500, Хабль 800, Абин 4000, Каафу 400, Шефик 400, Адагум 1000, Гешебек 300, Кудахо 500, Псыф 600»...⁸¹. Такую же неравномерность величины различных территориальных объединений отмечает Сталь и у абадзехов, где, по его данным, в каждом псухо считалось «от четырех до десяти деревень»⁸².

Таким образом, у адыгов в первой половине XIX в., наряду с пережиточно сохранившимся древним делением племени на роды и фратрии, существовало еще территориальное членение на сельские общины и округа. Такое сосуществование кровнородственных и территориальных связей приводило к их своеобразному переплетению, которое, к сожалению, до сих пор еще недостаточно изучено, так как исследователи социального строя адыгов в первой половине XIX в. сосредоточивали свое внимание или на пережитках родовых отношений или же, наоборот, ставили перед собой задачу показать только роль соседской общины.

Переплетение кровнородственных и территориальных связей было, по описанию авторов первой половины XIX в., характерной чертой общественного быта «аристократических» и «демократических» племен, но более ярко оно проявлялось у «демократических» племен, вся система управления которых была построена на этой основе. Такая система была создана не сразу после «переворота» конца XVIII в., который, уничтожив у шапсугов, натухайцев и абадзехов прежнюю форму княжеско-дворянского управления, подавлявшего общинные начала в жизни народа, привел, однако, к тому, что выступившее на первый план разделение племен на родовые и территориальные союзы, не связанные между собой, затруднило управление. Поэтому возникла необходимость согласовать между собой это двойственное деление пле-

⁷⁷ «Ветви Кавказского хребта, направляющиеся к Черному морю, разделяют прибрежный край на части и народонаселение на общества», — писал Н. И. Карлгоф о причерноморском районе расселения шапсугов и натухайцев (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19 256, ч. 2, л. 29 об.).

⁷⁸ Л. Я. Люлье, Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адиге), абхазцами (азега) и другими, смежными с ними, ЗКОРГО, кн. IV, стр. 176—179.

⁷⁹ См. «Кубанские областные ведомости», 1884, №№ 34, 36, 38 и 40.

⁸⁰ Княжеские и дворянские аулы носили, как правило, имена своих владельцев.

⁸¹ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 94.

⁸² Там же, стр. 154.

мен и использовать в общественных интересах те преимущества, которые давали сочетание и переплетение кровнородственных и территориальных связей.

Для рассмотрения вопросов политического устройства «демократических» племен на протяжении первой половины XIX в. не раз созывались съезды представителей абадзехов, шапсугов и натухайцев. На этих съездах долгое время принимались решения лишь о частичном упорядочении судопроизводства и управления, пока в конце 40-х гг. XIX в. не было достигнуто соглашение об объединении названных племен в конфедерацию и создании единой административно-судебной системы. В состав конфедерации шапсуги и натухайцы вошли в качестве одной народности, тогда как абадзехи составили другую. При этом были сохранены основы древней дуальной организации с делением на роды, фратрии и племена. Шапсуги и натухайцы, с одной стороны, а абадзехи, с другой, были поделены на восемь основных родов («тлако»), которые заключили между собой союз искусственного родства («соприсяжничества»), что должно было еще более укрепить федеральное единство. Административное управление конфедерации строилось по территориальному принципу с учетом, однако, интересов родовых групп, которые выдвигали в территориальное управление своих представителей. Совет псухо состоял из 16 старшин — по два от каждого «тлако». Для того, чтобы ликвидировать большую разницу в величине народонаселения отдельных сельских общин, было установлено, что за административную единицу берется 100 дворов, которые в свою очередь подразделялись на десятки⁸³.

Наиболее детально описал структуру этой окончательно сложившейся в 50-х гг. XIX в. конфедерации «демократических» племен адыгов Лапинский⁸⁴. По его словам, «Народности шапсуги и абадзехи разделяются каждая на восемь племен (тлако). Из этих 8 племен каждые два родственны между собою и образуют собственно одно племя, причем каждое из восьми племен шапсугов состоит в родстве с одним из восьми племен абадзехов... Каждое из племен (тлако) разделяется на несколько фамилий (тлако-сик), а эти, в свою очередь, — на несколько семей или дворов (юнэ). Но все племена, фамилии и семьи одной народности живут смешанно между собой, и в каждой местности представлены все племена и фамилии»⁸⁵.

Как видно из этого описания, в родоплеменной структуре «демократических» племен до конца 50-х гг. XIX в. продолжали сохраняться яркие пережитки дуальной организации. Вместе с тем родственные коллективы всех ступеней, за исключением большой и малой семьи, фактически распались, оказались территориально децентрализованными и потерявшими свое значение как социальные единицы. Поэтому в системе административного управления, созданного в конфедерации «демократических» племен, основной единицей выступает соседская община. «Административное деление, — пишет Лапинский, — если можно употребить это выражение — это каждая сотня дворов (юнэ-из),

⁸³ По сообщению Н. И. Карлгофа, решение о разделении «на общины, каждую по 100 дворов», было принято на так называемом Адагумском собрании (см. Н. Карлгоф, О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря, «Русский вестник», 1860, № 16, стр. 544). Адагумское собрание продолжалось с перерывами целый год (с февраля 1848 по февраль 1849 г.) и сыграло большую роль в установлении описанной выше административной системы (см. Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 195).

⁸⁴ Теофил Лапинский прожил среди шапсугов, абадзехов и натухайцев с 1857 по 1859 год.

⁸⁵ Th. Lapinski, Указ. раб., т. I, стр. 74—75.

которая, так сказать, представляет деревню, простирающуюся на одну и более квадратных миль. Такие юнэ-из образуют до известной степени маленькую независимую республику, которая управляется старшинами и вся страна есть федерация таких маленьких республик. Эта федерация тем более сильна, что жители юнэ-из из крайнего запада или севера состоят в родстве с жителями юнэ-из из крайнего востока или юга, и это родство высоко и свято ими почитается. Каждый юнэ-из посылает на совещание страны или народности двух выборных. Внутри каждая сотня дворов делится на десятки дворов (юнэ-ипс) и десять представителей образуют с имамом⁸⁶ совет и суд своего юнэ-из»⁸⁷.

Отметив это переплетение территориальных и родственных связей, Лапинский указывает, что оно идет снизу от семейного двора и сельской общины до территориального округа, включающего всех жителей долины данной реки. «Другое разделение страны,— пишет Лапинский,— по рекам. Как бы много юнэ-из не располагалось по реке (иногда может быть 20 и более), но на советы, военные собрания и суды всегда избираются только двое старшин от каждого племени, как представители всех жителей, живущих по реке, так что 16 старшин с двумя кадиями⁸⁸ во главе образуют совет и суд всех лежащих на реке юнэ-из. Чтобы точно обозначить адыга, нужно назвать его народность, его племя и его род; кроме того, его реку и указать название его сотни дворов. Например: Эндрис Хантох, Емис, Шапсуг, Антхир Окецикос; это значит — Эндрис из фамилии Хантох, из племени Емис, народности шапсугов, который живет на реке Антхир в сотне дворов или юнэ-из Окецикос»⁸⁹.

Следует признать, что это своеобразное переплетение кровнородственных и территориальных связей имело в рассматриваемое время определенное положительное значение. При господстве натурального хозяйства, делавшего каждую сельскую и семейную общину экономически самодавлющей ячейкой, наличие связей другого типа нарушали присущую этим общинам замкнутость. Распад у адыгов рода на большие и малые семьи, живущие в различных общинах, уже сам по себе имел прогрессивное значение для расширения общественных связей, поскольку теперь каждый адыг осознавал себя не только членом кровнородственного коллектива, но и членом определенной территориальной общины. Таким образом, родственные связи дополнялись соседскими. А так как члены одного рода были разбросаны по всей территории племени, то род должен был активно включаться в дела всего племени. С другой стороны, в силу наличия в каждой сельской общине представителей различных родов, не потерявших идеологических связей со своими родичами, «однофамильцами», ни одна адыгская сельская община не могла жить только своими узкими, партикулярными интересами. Забота о судьбе своих сородичей, живших в других районах страны и принадлежавших, следовательно, к другим территориальным единицам, устанавливала прочные отношения между членами различных общин. Такие общины, естественно, не могли враждовать между собой, и это обеспечивало «демократическим» племенам тот внутренний мир, которого так не хватало «аристократическим» племенам, непрерывно разоряемым феодальными междоусобицами.

⁸⁶ Имамом называется духовное лицо магометанской общины (примеч. Лапинского).

⁸⁷ Там же, стр. 75.

⁸⁸ Кадием называется магометанский судья. Обыкновенно имам бывает одновременно и кадием (примеч. Лапинского).

⁸⁹ Там же, стр. 76.

SUMMARY

Survivals of dual organization among the Adyghe (Circassians) have not been subjected to special study so far, although the problem was first posed by M. Kovalevsky in 1890, in his well-known work, «Law and Custom in the Caucasus» (Vol. I, pp. 12—13).

In the first half of the 19th century, the vestiges of early dual organization among the Adyghe—just as among other peoples who have long outlived tribal structure—were manifested with particular clarity in all kinds of legends on the origin of the tribes. In feudal Adyghe society, many ethnogenic traditions naturally took the form of legendary genealogies of the major feudal clans, in which the principle of the even division of the progeny, characteristic of dual organization, was strictly observed.

In the period under review, the survivals of dual organization among the Adyghe were reflected in many features of social life. One such survival in particular consisted in the division of the inhabitants of every Adyghe village into two parts. This division, though it had no official manifestations, was nevertheless clearly seen during the popular games, whose connection with the initial dual organization of tribal society is, in our opinion, indisputable.

Up to the mid-19th century, obvious traces of dual organization lingered also in the structure of most Adyghe tribes. Among three tribes—the Abadzekhi, Shapsugs and Natukhais, whom the Russian authors of the first part of the 19th century usually called the «democratic» tribes—the principles of dual organization were utilized to build up a new administrative system to replace the rule of princes and noblemen, which was abolished after a political coup at the end of the 18th century.